DOI: 10.17976/jpps/2018.06.03

СОВРЕМЕННЫЙ МИРОПОРЯДОК: ЕГО КРИЗИС И ПЕРСПЕКТИВЫ

А.И. Никитин

НИКИТИН Александр Иванович, доктор политических наук, профессор, директор Центра Евроатлантической безопасности Института международных исследований, МГИМО МИД России; главный научный сотрудник, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН; профессор, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Москва. Для связи с автором: an@inno.mgimo.ru

Никитин А.И. Современный миропорядок: его кризис и перспективы. – Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 32-46. https://doi.org/10.17976/jpps/2018.06.03

Статья поступила в редакцию: 03.08.2018. Принята к печати: 05.09.2018

Аннотация. Современный мировой порядок переживает кризис и находится в процессе реорганизации. Но определения и параметры миропорядка, как и проявления его кризисности, по-разному, подчас альтернативно, понимаются и интерпретируются западными аналитиками и политико-академическим сообществом России. Сами концептуальные рамки рассмотрения эволюции международной системы в терминах сменяющихся периодов относительной стабилизации ("порядка" с широко признаваемыми правилами) и "беспорядка" (транзита) подвергаются сомнению. Автор статьи сопоставляет современные отечественные и зарубежные концепции миропорядка, регулярной смены устойчивых и неустойчивых состояний международной системы, анализирует вопросы определения и исторической периодизации миропорядка. Рассматривается вопрос, достаточно ли развита общая системность международных отношений для восприятия этих отношений как единой "системы с правилами", или мир конгломеративен. Выявляются сферы и признаки кризиса предшествующей модели миропорядка, направления подрыва стратегической стабильности в отношениях мировых держав, проявления эрозии системы контроля над вооружениями и разоружения. Автор пытается найти ответы на вопросы, является ли постбиполярный период после окончания холодной войны новым этапом мирового порядка с согласованными принципами поведения России и Запада, стало ли обострение напряженности после 2014 г. кризисом миропорядка, либо международные процессы трех десятилетий после окончания холодной войны вполне вписываются в траекторию эволюции миропорядка, установившегося после Второй мировой войны с середины XX столетия до настоящего времени. Намечаются направления реформирования миропорядка с точки зрения российских интересов и с учетом тенденций современного и перспективного развития международной системы.

Ключевые слова: миропорядок; мировая политика; мировые державы; баланс сил; международная система; ООН; международные кризисы; многополярность.

Проблемы существования и периодизации миропорядка

Восприятие современных событий и тенденций в международных отношениях как кризиса существующего (или прежнего) миропорядка характерно для российского внешнеполитического дискурса, однако представляет собой не единственную трактовку состояния международной системы.

В простейшем выражении "миропорядок" есть относительно устойчивое и достаточно стабильное, хотя и ограниченное в историческом времени состояние международной системы, характеризующееся господством признаваемых большинством акторов (государственных и негосударственных) правил

поведения на международной арене и основанное на балансе сил и интересов ведущих мировых держав и политических сил.

Примерами таких временно устойчивых миропорядков обычно называют Вестфальскую систему сложившихся европейских государственных образований в XVII в., постнаполеоновский "концерт великих держав" (1815-1914), представлявший собой систему правил взаимодействия мировых империй, версальско-вашингтонскую систему экономических и политических взаимоотношений держав после "перетасовки" международных ролей и статусов в результате Первой мировой войны, ялтинско-потсдамскую систему создания мирового взаимодействия на базе ООН после Второй мировой войны, биполярную систему взаимоотношений противостоящих общественно-политических систем и соответствующих "лагерей" государств в период холодной войны[1].

При этом периоды относительной устойчивости и баланса, обычно длившиеся десятилетия, всегда перемежались периодами "перетасовки", слома прежнего миропорядка, которые можно назвать этапами "мирового беспорядка". В XX столетии эти этапы дважды принимали форму мировых войн, а на исходе века – форму распада одной из великих держав и связанного с ней альянса стран.

Однако практически нигде в доктринальных политических документах и в исследовательской литературе, как российской, так и зарубежной, период после окончания холодной войны (постсоветский период) не называется очередной формой миропорядка, а напротив, везде подчеркивается его переходный, транзитный характер[2]. С начала 1990-х годов в международных отношениях происходит очередная перегруппировка сил и интересов, форм политического взаимодействия, и она еще не завершена. Новые устойчивые правила международного взаимодействия с 1991 г. по настоящее время пока не сложились. В силу этого проблемно применение риторики "кризиса миропорядка" к международным тенденциям, наметившимся после 2014 г., когда началась новая волна обострения отношений между Россией и западными державами.

Использование понятия "кризис миропорядка" предполагает, что относительно устойчивый миропорядок до 2014 г. существовал, пока определенные факторы и события не разрушили его. В то же время реальный слом миропорядка произошел ранее, в период распада СССР и мировой системы социализма, системы союзнических отношений в рамках "восточного" полюса биполярной системы, и при такой трактовке в событиях 2014-2018 гг. проявились черты "переходного беспорядка", не отличающиеся радикально от тенденций поведения держав в последние два с половиной десятилетия.

Следует проанализировать, какое историческое датирование "кризиса миропорядка" в научном плане наиболее адекватно, и каков ответ на вопрос, существовал ли вообще "миропорядок постсоветского периода".

---

[1] В отечественной научной литературе понятие "миропорядок" ввел в научный оборот (еще в советский период) и изучал основатель Советской ассоциации политической науки (САПН) Георгий Хосроевич Шахназаров в работе "Грядущий миропорядок" [Шахназаров 1988]. Среди современных российских исследователей мирового порядка отметим академиков А.А. Дынкина, А.Г. Арбатова и В.Г. Барановского [Дынкин 2018; Арбатов 2014; Барановский 2018], профессоров М.М. Лебедеву, Т.А. Алексееву, А.Д. Богатурова [Лебедева 2018; Алексеева 2018; Богатуров 2018].

[2] Типичные для американской научной литературы концепции миропорядка, как либеральные [Jones et al. 2014; What Was the Liberal Order... 2017], так и консервативные [Mazarr et al. 2017], британские теории [Globalization and World Order... 2014], австралийские разработки (Haas R. 2017. World Order 2.0. Canberra: Australian Strategic Policy Institute, January 2017. URL: https://www.aspistrategist.org.au/world-order-2-0/ (accessed 11.07.2018)) автор предполагает подробно проанализировать и сопоставить с российскими подходами к пониманию миропорядка во второй статье серии "Современный миропорядок".

Разумеется, можно считать, что в 1990-е, 2000-е, 2010-е годы складывались новые неписаные, но разделяемые участниками правила поведения на международной арене, которые более-менее соблюдались как Россией, так и постсоветскими новыми независимыми государствами, а также западными державами. Примерами такого рода правил можно считать своеобразный негласный "новый раздел сфер влияния", или "кодекс поведения" 1990-х годов, который существовал между ельцинской Россией, постсоветскими государствами и Западом. Хотя это не закреплялось в договорах и письменных соглашениях, но стороны *де-факто* исходили из принципа баланса между двумя группами правил.

С одной стороны, новая Россия отказывалась от попыток удержать в орбите влияния бывшие республики и обернувшихся к Западу (НАТО и ЕС) восточноевропейских союзников по Варшавскому договору.

С другой стороны, западные державы и организации (включая Евросоюз и НАТО, а также ОБСЕ, Совет Европы и др.) в течение 1990-х годов признавали постсоветское пространство (за исключением Балтии) регионом преимущественного (или остаточного) влияния Москвы и держались в стороне от вмешательства в многочисленные межэтнические, сепаратистские и иные конфликты между новыми независимыми государствами и внутри них.

Этот негласный "полупорядок" прекратил свое существование в 1999 г., когда обе стороны нарушили правила поведения. Россия активно вмешалась в события в Союзной Республике Югославия (практически "ворвалась" в операцию НАТО по мандату ООН в Косово посредством рейда российских десантников из Боснии в Косово и снятия "вето" на операцию ООН). Россия показала, что без Москвы нельзя решать судьбы Югославии и вообще менять архитектуру безопасности в центре Европы. Период относительного российского изоляционизма закончился, сменившись с 2000 г. периодом внешнеполитического активизма и возвращения Россией статуса мировой (или глобальной) державы. На саммите ОБСЕ 1999 г. в Стамбуле западные державы предъявили открытые внешнеполитические претензии к России по поводу приднестровского кризиса и политики России на Северном и Южном Кавказе. Началось постепенное, но явное вовлечение западных держав и организаций в конфликтное урегулирование на постсоветском пространстве, заметно расширились масштабы экономического и политического внедрения Запада в дела новых независимых государств (ННГ).

Как постсоветский "полупорядок" можно трактовать становление в первое постсоветское десятилетие поколения интеграционных международных структур незападного типа – Содружества Независимых Государств, Союзного государства России и Беларуси, ЕврАзЭС и параллельное формирование из Европы международных институтов и механизмов, "охватывающих" и вовлекающих ННГ: приглашение всех выпавших из состава СССР республик-государств (включая азиатские и южнокавказские) в состав ОБСЕ, создание Североатлантического совета сотрудничества (впоследствии переименованного в Совет евро-атлантического партнерства), а также развертывание натовской программы "Партнерство во имя мира", которые также охватили все страны, "выпавшие" из Варшавского Договора, и все ННГ – бывшие республики.

Механизмами этого "полупорядка" позже стали Программа "Восточного партнерства" Евросоюза, Совет Россия-НАТО и Совет Украина-НАТО. Все

перечисленные международные институты "перевязывали" между собой старые и только что созданные или серьезно преобразованные государства, создавали новые каналы международного взаимодействия, по-своему стабилизировавшие международные отношения в транзитный период.

Своеобразный "кризис" этой системы связующих международных институтов, причем кризис, растянутый по времени на все десятилетие 2000-х годов, произошел в формах раскола СНГ и постепенного ослабления его механизмов, возникновения конкурирующих группировок ННГ – ГУ(У)АМ и ОДКБ, разделения стран ЦВЕ и постсоветских ННГ на склонившихся к дрейфу в сторону НАТО и ЕС, с одной стороны, и вошедших в незападные интегративные объединения "второй волны" – ОДКБ, ШОС, Евразийский союз – с другой. Раздел международных институтов на "западные" и "незападные" и развитие их постепенного противостояния (например, раскол Украины в результате выбора между тяготением к СНГ или к Евросоюзу), а также новый фактор – болезненность выбора для центральноазиатских стран между тяготением к России/ЕАЭС или к Китаю и его новой мегапрограмме Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) – все это можно трактовать как новый этап кризиса постсоветского "полупорядка".

При этом в трактовках, предполагающих, что кризис в отношениях между Россией и Западом – это кризис миропорядка (является его следствием)[3], есть определенная завышенная доля российского геополитического "эгоцентризма". Другие, кроме России, страны – члены ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, как центральноазиатские, так и Армения, и даже связанная с Россией союзной государственностью Беларусь, не раз подчеркивали, что кризис отношений России с Западом не обязательно означает, что и у них происходит синхронный разлад отношений на западном направлении. Китай говорит о кризисе прежнего порядка, но в другом смысле – о кризисном смещении его, так сказать, "в свою пользу" по мере роста китайской экономической, военной мощи и политической вовлеченности в мировые дела.

К началу XXI в. незападные ареалы мира не без культурного влияния Запада выработали новые стандарты миро- и самовосприятия. Возросла самооценка не-Запада, что связано с укреплением его позиций в мировой экономике (страны Восточной и Южной Азии), политике и военной сфере (Индия, Китай, исламские и латиноамериканские страны). Незападные составляющие мира не готовы увидеть в себе лишь "предполье" Запада, которое хочет и, возможно ("если будет себя хорошо вести"), сможет стать его частью.

Более того, опыт восточноазиатских (Япония, Южная Корея и др.) и западноазиатских (ОАЭ, Саудовская Аравия и др.), а также ряда других стран существенно снизил ценность западной модели и указал на возможность приобретения незападными обществами новых характеристик (экономическая эффективность, социальная устроенность), не уподобляясь Западу и находя оригинальные формы самоорганизации и инноваций.

В среде новых независимых государств сложился принцип *многовекторности* внешней политики, означающий, что большинство ННГ должны постоянно поддерживать сбалансированные отношения *одновременно* с Москвой, Вашингтоном, Брюсселем, Пекином, Тегераном, Анкарой, с западными и незападными структурами, и не могут себе позволить сделать какой-либо "циви-

[3] См., например [Россия и мир в 2020 году... 2015].

лизационный выбор", окончательно связывающий их с одним полюсом нового противостояния мировых держав (например, только с Москвой или только с Китаем, а может быть, только с НАТО и Евросоюзом). И это не какая-то "недорешенность выбора". России не стоит ожидать, что еще немного, и Астана, Минск или Ереван сделают "исторический выбор" и откажутся от компонентов своей политики, все прочнее связывающих их с другими, нежели Москва, полюсами влияния. Подобную многовекторную политику они будут проводить и впредь.

Следует учитывать и такую линию аргументации со стороны ННГ, что *Москва сама демонстрирует многовекторную политику*, когда "поверх голов" союзников ведет двусторонние переговоры с США, Евросоюзом, Китаем или резко меняет позицию в отношении Турции и не информирует союзников о своей стратегии и содержании этих контактов. Москва пытается выстроить собственную разнонаправленную "розу ветров" в отношениях со всеми мировыми державами и центрами силы. Это проявляется, в частности, и в провозглашенном после 2014 г. "повороте России на Восток", который в понимании комментаторов из западных стран и стран СНГ носит не глубинно-цивилизационный, а прагматический "компенсаторный" характер в условиях обострения отношений с Западом.

Наконец, в мировом международно-политическом дискурсе распространена точка зрения, что миропорядка вообще не существует, потому что степень глобальной системности международных отношений пока недостаточно велика. Такие концепции, существующие как в российской научной литературе, так и на Западе, рассматриваются А.Д. Богатуровым в противопоставлении системных и "конгломеративных" теорий современного мира [Богатуров 2018]. Другими словами, нет единых тенденций и структур для всех международных отношений, нет вообще "международной системы", а есть лишь по-разному и в разном темпе живущие и развивающиеся региональные и субрегиональные подсистемы, не образующие единства [Albert, Cederman, Wendt 2010]. В рамках подобной трактовки усиление или ослабление США, России или Китая, улучшение или обострение отношений между отдельными участниками вовсе не "кризис" всего поля международных отношений, а лишь временная "флюктуация", "возмущение" международной среды, которое имеет ограниченные последствия, в основном для непосредственных участников "драмы", но не для международных отношений в целом.

Распадающиеся компоненты миропорядка

Принято считать, что открыто о кризисе миропорядка начал говорить президент РФ В. Путин в 2007 г. на Мюнхенской конференции по безопасности. В той речи акцент делался на издержках однополярности, т.е. разрегулировании прежнего баланса сил, и обосновывался призыв перейти от однополярного к многополярному миропорядку. В 2014 г. подход к оценке современного миропорядка был выражен В. Путиным более полно в речи на заседании Международного Валдайского клуба[4]. В прочтении 2014 г. мировой порядок понимается шире, в это понимание включены разнообразные институты его поддержания и санкции за нарушение правил.

[4] Путин В.В. Речь на заседании Валдайского клуба. – *Президент России. Официальный сайт*. 24.10.2014. Доступ: http://kremlin.ru/events/president/news/46860 (проверено 11.07.2018).

В валдайской речи президента РФ смена миропорядка трактовалась как коренная трансформация в мировой политике, которая происходит либо в форме глобального противостояния (глобальной войны), либо в форме цепочки интенсивных конфликтов локального характера (сегодня это Сирия, Ливия, Украина).

Механизмы прежнего миропорядка сложились по результатам Второй мировой войны. Основу составили послевоенный баланс сил и "право победителей", закрепленное в принципах Устава ООН и в составе постоянных членов Совета Безопасности ООН. Также важным фактором была готовность стран-победительниц совместно регулировать международную систему. Главная задача формирования относительно устойчивого миропорядка состояла в регулировании остроты противоречий ведущих мировых держав с помощью системы международных сдержек и противовесов.

Компонентами *миропорядка, характерного для периода биполярной конфронтации,* были такие процессы и явления, как:

– параллельное создание и существование уравновешивающих друг друга систем союзнических отношений между, с одной стороны, США и связанными с ними странами развитого капитализма (в форматах блоков НАТО, СЕНТО, СЕАТО, АНЗЮС и др.) и, с другой стороны, СССР и связанных с ним социалистических государств (в формате ОВД), а также стран социалистической ориентации;

– избегание "лобовой" конфронтации систем и ведение региональных "прокси"-войн через поддержку разнонаправленных политических сил в периферийных странах;

– образование между противостоящими блоками прослойки относительно пассивных "неприсоединившихся" стран, стремившихся дистанцироваться от противостояния;

– наличие у ведущих держав противостоящих блоков ядерного оружия и достижение примерного качественного и количественного паритета ядерных вооружений;

– организация процесса постепенного ограничения и сокращения ядерных вооружений на пропорциональных началах в форме ряда соглашений ОСВ и СНВ;

– внедрение разветвленной системы верификации и проверки выполнения соглашений об ограничении и сокращении вооружений;

– предотвращение дальнейшей интенсификации гонки ядерных вооружений в результате заключения ряда соглашений в области ограничения и сокращения стратегических наступательных вооружений и соблюдения в течение трех десятилетий Договора по ограничению систем стратегической ПРО;

– заключение в 1968 г. Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), создание и развитие режима нераспространения, что существенно сократило потенциал и возможности географического расползания оружия массового уничтожения, ограничив его несколькими странами (Индия, Пакистан, Израиль, КНДР);

– достижение и закрепление в форме Договора об обычных вооружениях и вооруженных силах в Европе примерного паритета противостоящих групп государств, входивших в НАТО и ОВД, в области неядерных вооружений;

– разработка в практической дипломатии и соблюдение (с некоторыми исключениями) общих принципов и правил взаимодействия сверхдержав, включавших общий (не всегда точный) раздел сфер геополитического влияния.

Окончание холодной войны и распад СССР потребовали адаптации миропорядка к современным условиям, однако вместо нового баланса сил появился дисбаланс. При этом существовавшая с 1945 г. система сдержек и противовесов в виде массива международного права и коллективных международных институтов была объявлена Вашингтоном устаревшей, так как не давала возможности США однозначно изменить баланс сил в свою пользу.

Обозначилась серьезная проблема – попытки группы западных стран во главе с США навязать западные рецепты в качестве универсальных всему миру на правах "победителей в холодной войне". Для многих государств лояльность по отношению к США стала единственным способом сохранить суверенитет и защититься от внешнего вмешательства. Проблематичность однополярности в том, что она не позволяет обеспечивать устойчивую управляемость глобальными процессами и коллективно реагировать на глобальные вызовы и угрозы безопасности.

Проявления современного кризиса миропорядка

Проявления современного кризиса миропорядка многочисленны и разнообразны. В аналитических целях они могут быть сгруппированы по сферам: обострение общеполитической международной напряженности, включая ухудшение отношений между мировыми державами; подрыв геополитической стабильности; кризис системы контроля над вооружениями и разоружения; угроза подрыва стратегической стабильности в отношениях крупнейших ядерных держав, неурегулированность старых и возникновение новых международных или интернационализированных внутренних конфликтов; кризис взаимодействия держав в рамках системы международных институтов; кризисные проявления в глобальной экономической сфере; кризис взаимодействия в гуманитарной, культурной и информационной сферах с элемнтами информационной войны.

При рассмотрении ситуаций в разных сферах очевидно, что кризисные проявления в них *исторически несинхронны*, разбросаны по всему периоду после окончания холодной войны, *неравномерно распределены географически* по регионам и субрегионам.

Прежде всего отметим в систематизированном виде явления и факторы, прямо или косвенно ведущие к *дестабилизации и подрыву относительной геополитической стабильности,* характерной для прежнего этапа миропорядка, а также к угрозе подрыва стратегической стабильности в военно-политических отношениях ядерных держав:

– значительное повышение роли негосударственных акторов международных отношений, в том числе появление "неконструктивных" и открыто деструктивных негосударственных акторов;

– расширение применения террористических методов в мировой политике;

– нарушение режима нераспространения и появление новых ядерных государств, создание региональных ядерно-силовых балансов;

– большее распространение ракетных технологий, обретение новыми странами носителей средней и большой дальности для доставки ядерных и неядерных боеприпасов, потенциального нанесения стратегического неприемлемого ущерба широкому кругу мировых и региональных держав;

– новая ставка США на создание системы стратегической ПРО, ведущей к дестабилизации системы ядерного паритета и мотивирующей другие ядер-

ные державы, включая Россию и КНР, к качественному совершенствованию ядерных арсеналов;

– возникновение связи между терроризмом и кибербезопасностью, перенос конфронтации в киберсферу;

– неудачи при попытках достичь международных всеобъемлющих соглашений по запрещению милитаризации космоса, создающая возможность развертывания гонки космических вооружений и потенциального подрыва международной стабильности в результате военного превосходства отдельных держав в космосе;

– разработка сверхточных и мощных систем неядерных вооружений, способных обеспечить нанесение стратегического поражения противнику без использования ОМУ;

– развитие робототехники и дистанционно управляемой техники в военном деле.

Расшатывание геополитической стабильности сопровождается *кризисом системы контроля над вооружениями и разоружения*[5], который включает эрозию российско-американских и общеевропейских договорных механизмов.

Постепенно *прекратили действие механизмы крупнейшего Договора об обычных вооружениях и вооруженных силах в Европе* (ДОВСЕ), охватывающего 57 стран ОБСЕ (кризис имел несколько этапов, начиная с 1990-1991 гг., когда произошел роспуск ОВД, включал провал подписания и ратификации адаптированного ДОВСЕ в 1999 г. и последующие годы и, наконец, "заморозку" участия России и других стран в ДОВСЕ, а затем и фактический выход из него).

В 2002 г. из-за выхода США *прекратил действие Договор о противоракетной обороне* (ПРО), работавший на протяжении 30 предыдущих лет.

Так и *не вступил в силу Договор СНВ-2*, так как между 1993 и 2000 гг. российский парламент и американский конгресс отяготили его комплексами поправок, сделавшими невозможной его реализацию.

Не вступил в юридическую силу Договор о всеобщем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) от 1996 г., хотя пока де-факто он соблюдается всеми сторонами (ядерные испытания после подписания ДВЗЯИ провели Индия, Пакистан и КНДР, но они не участники Договора).

Находится на грани срыва Договор о ракетах средней и меньшей дальности (РСМД) от 1987 г. США и Россия обвиняют друг друга в разных формах его нарушения и могут вернуться к производству запрещенных Договором классов ракет и ядерных боеприпасов "для региональных конфликтов".

Не удалось сделать объектом каких-либо переговоров и даже начального обмена данными тактическое ядерное оружие, представляющее собой гигантские арсеналы в тысячи ядерных боеголовок.

Дал явные "трещины" Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), когда к началу 2000-х годов из него выпала КНДР и провела ядерные испытания, Иран два десятилетия балансировал на грани выхода/нарушения Договора, а Обзорная конференция ДНЯО каждый раз оказывается неспособной достичь консенсуса разных групп стран-участниц, что в 2020 г. может привести к дальнейшей эрозии, если не развалу режима нераспространения.

[5] Формы и проявления кризиса системы ограничения и сокращения вооружений подробно анализируют академик С.М. Рогов в работе "Россия и США на пороге XXI века: новая повестка дня" (Рогов С.М. Россия и США на пороге XXI века: новая повестка дня. – *Независимая газета*. 26.07.2000. Доступ: http://www.iskran.ru/russ/rogov/ng06-04.html (проверено 02.08.2018)) и генерал В.З. Дворкин [Дворкин 2010].

В то же время система контроля над вооружениями, сложившаяся в биполярном мире между США и СССР/Россией, НАТО и ОВД, включая общеевропейские механизмы, никогда не охватывала Азию, Африку, Океанию, Латинскую Америку как макрорегионы. Система контроля над вооружениями не была подлинно глобальной, в силу чего и ее кризис не носит характера распада глобальных инструментов: продолжают действовать, хотя и с пробуксовкой, близкие к глобальным по охвату режим нераспространения ОМУ, основанный на ДНЯО, режим контроля над ракетными технологиями (РКРТ), режим экспортного контроля, Реестр ООН по обычным вооружениям, серия договоров о безъядерных зонах, Договор по "открытому небу", Конвенции по химическому, биологическому и токсинному оружию, противопехотным минам, кассетным боеприпасам и др. Произошло даже неожиданное "прибавление семейства" договорной базы по разоружению: в 2017 г. 122 страны поддержали отвергаемый всеми ядерными державами Договор о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО).

Заметно, что комплекс договоров и соглашений в сфере контроля над вооружениями и разоружения (включая серии переговоров и договоров ОСВ и СНВ, ПРО, РСМД, ДОВСЕ, ДНЯО, группу конвенций ООН и контрольных режимов) был и остается изначально разрозненным, охватывающим группы стран в разной конфигурации. Целостный глобальный "разоруженческий миропорядок" так и не сформировался, остался фрагментарным, но и полного "развала" его перечисленных выше фрагментов не произошло.

Кризис в системе взаимодействия держав на базе международных организаций также носит характер скорее отдельных "провалов" и "дыр", чем кризисного распада всей системы международных межгосударственных организаций. В частности, кризисные проявления во взаимодействии России с международными организациями включают (на западном направлении):

– резкое обострение отношений России с НАТО при одновременной стагнации Совета Россия-НАТО, прекращении военного сотрудничества по всем линиям, роспуске всех рабочих групп при Совете Россия-НАТО;

– ущемление прав России в Совете Европы и Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ);

– эрозию политики создания "общих пространств" (пространства безопасности, правового, экономического, образовательно-гуманитарного и др.) между Россией и Европейским союзом;

– обострение взаимоотношений между постоянными членами Совета Безопасности ООН и учащение практики взаимных "вето";

– неудачу и полное прекращение неоднократных попыток ОДКБ установить прямое равноправное взаимодействие с НАТО;

– разные формы давления на Россию (в том числе организацию провокаций) в "профильных" или "секторальных" международных организациях, таких как ОКХО, Международный олимпийский комитет (МОК) и др.;

– регулярное принятие решений, направленных против российского государства, в международно-правовых структурах западного типа (Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), Международный уголовный суд (МУС) и др.).

Целый ряд кризисных проявлений во взаимодействии через международные организации имеет иной характер, не связанный напрямую с политическим давлением Запада. Речь идет об ослаблении и фактическом кризисе СНГ как интегративного механизма, "заторможенном" развитии Союзного государства

России и Беларуси, неудаче прежних моделей Таможенного союза в СНГ, формировании противоречий между группировками ОДКБ и ГУАМ, отсутствии консенсуса (и отказе занимать коллективную позицию) у членов ОДКБ и ШОС по ряду важных и чувствительных для России вопросов (Сирия, Крым, Восточная Украина, ранее – российско-грузинская война, признание государственности Абхазии и Южной Осетии и др.). Все это позволяет говорить о кризисных явлениях различного происхождения и природы в системе международных организаций, но не о всеохватывающем, имеющем единую природу и корни, кризисе системы взаимодействия держав через международные организации.

Российской позиции, в соответствии с которой нынешний кризис миропорядка обусловлен неадекватными действиями Запада, противостоит *комплекс обвинений со стороны западных стран в отношении России в "подрыве" ею миропорядка*, который можно систематизировать в четыре группы аргументов.

Первая включает обвинения в подрыве Россией принципов поведения держав на международной арене посредством "силового" (что спорно) изменения существующих границ и нарушения территориальной целостности государств (Крым).

Ко второй группе можно отнести обвинения в поддержке со стороны России сепаратистских политических сил и проектов (отделение Южной Осетии и Абхазии от Грузии, помощь Армении в удержании под контролем Нагорного Карабаха, поддержка в разных формах сепаратизма Приднестровья в Молдове, наконец, прямая и непрямая поддержка сепаратизма донбасских полугосударственных образований (ЛНР/ДНР) в Восточной Украине.

Третье направлении критики – обвинения России в неоправданном и провоцирующем наращивании военной мощи, развязывании новой гонки вооружений, усилении российского военного присутствия в мире, в том числе на территории других государств (возвращении к политке военных баз и контингентов за рубежом, усиленной торговле оружием), нарушении со стороны России ряда договоров в области контроля над вооружениями, массированном проведении разнотипных военных учений "провоцирующего характера".

Четвертая группа охватывает обвинения России в информационной "агрессивности", инициировании информационной войны, распространении "ложной новостной пропаганды", т.е. фактически в формировании и спланированном распространении новой антизападной идеологии, а также поддержке политических сил антигосударственной направленности в западном мире.

Очевидно, что в таких условиях важны не просто "ответы на аргументы" в информационном пространстве, а реальное преодоление кризиса миропорядка в пространстве политическом.

Пути выхода из кризиса

Поиск путей выхода из нынешнего кризисного состояния отношений России с ее внешнеполитическим окружением предполагает ряд изменений как политической стратегии, так и собственного политического менталитета.

Необходимо отказаться от ожиданий быстрого успеха и реалистично признать необходимость исторически длительного периода (десятилетий) для трансформации миропорядка и нахождения адекватной роли России в нем. Следует осознать, что нормализация и стабилизация отношений – многосторонний процесс, в нем нельзя ожидать, что ситуацию можно исправить корректировкой собственной стратегии, но также нельзя добиться успеха только требованием изменений политики других сторон без изменения собственной политики.

Преобразования миропорядка нельзя добиться, работая только в идеологической и "имиджевой" сферах: нужна последовательная работа по улучшению параметров и повышению показателей развития "реального сектора" (экономической и социальной инфраструктуры, показателей производительности и инновационности). Необходимо реалистичное понимание пределов и ограничителей глобальной роли и влияния нашей страны: в условиях резкого обострения международной ситуации необходим постоянный критический самоанализ и постоянная корректировка собственной политики.

Целью остается разработка и закрепление как юридически обязывающих соглашений об общеполитических правилах действия держав и международных организаций на международной арене в условиях многополярности (в том числе в развитие ранее предложенных Россией принципов Договора о европейской безопасности), так и неформальных, но согласованных и сходно понимаемых всеми участниками международной системы правил поведения на международной арене.

Существенным шагом в направлении реформирования миропорядка было бы проведение давно назревшего реформирования ООН и некоторого реструктурирования Совета Безопасности ООН (переход к более плюралистичному составу СБ с учетом претензий Германии, Индии, Пакистана, Японии, других государств, разумеется, осложнит достижение консенсуса, но повысит всеобщее признание ООН и его СБ в качестве легитимных регуляторов миропорядка).

Для утверждения глобального статуса России было бы важным повышение финансового вклада России в общий бюджет ООН и бюджет ее миротворческой деятельности по урегулированию конфликтов[6], более существенная финансовая поддержка других международных организаций (в том числе ОДКБ, ШОС, ЕАЭС).

Возможно, потребуется и повышение уровня участия России в направлении военных, полицейских и гражданских участников миротворческих контингентов ООН в конфликтные регионы[7].

Компонентом реформирования миропорядка, который формируется уже сегодня, является дальнейшее повышение роли региональных и субрегиональных международных организаций, передача им ряда функций регулирования глобальных и макрорегиональных политических, экономических, социальных процессов, при одновременном утверждении лидирующей роли России в деятельности ряда региональных международных организаций и объединений "незападного" типа (ОДКБ, ШОС, ЕАЭС, БРИКС и др.) и снижении конфликтогенности отношений России и НАТО[8].

Одним из направлений выхода из современного кризисного состояния миропорядка могло бы стать *постепенное формирование системы новых дополнительных механизмов неформальных консультаций и переговоров между*

[6] В 2018 г. финансовый вклад России – 3,99% бюджета ООН и миротворческих операций, в то время как вклад США – 28,47% (данные официального сайта ООН. URL: https://peacekeeping.un.org/ru/how-we-are-funded (accessed 30.09.2018).

[7] В 2010-е годы Россия направляет не более 100-300 миротворцев в год в состав операций ООН, в то время как общий масштаб контингентов ООН (16 параллельно ведущихся миротворческих операций и еще восемь политических миссий) превышает 120 тыс. чел. в год.

[8] О возможных направлениях реформирования отношений Россия – НАТО см. [Nikitina 2015].

политическим руководством расширившегося круга мировых держав по вопросам поддержания глобального порядка и формирования новых "правил поведения" и норм на международной арене[9]. Речь идет, если угодно, о новом "сообществе" мировых держав в новом составе и на новых правилах и принципах.

Именно такое решение предлагал российский министр иностранных дел С. Лавров в своей работе "Настоящее и будущее российской политики: взгляд из Москвы". Решение проблемы глобального управления международной системой – "неформальное коллективное лидерство ведущих государств мира, складывающееся в дополнение к международным институтам, прежде всего к ООН" [Лавров 2007: 15].

Неизбежно возникнут проблемы, если такой механизм "неформального коллективного лидерства" столкнется в каких-то вопросах с СБ ООН, поскольку оба института будут считать себя ответственными за вопросы войны и мира. СБ ООН, однако, не единственная организация, занимающаяся вопросами международной безопасности. Многие региональные организации, не говоря уже о старой "Большой семерке" западных стран и новой "Большой восьмерке" стран ШОС, также нацелены на стабилизацию международной системы, поддержание мира и урегулирование конфликтов. Подобное пересечение сфер деятельности таких организаций и форматов при определенных обстоятельствах может оказаться плодотворным, но может привести к усилению подозрительности между ними и к борьбе за влияние в международной системе.

Современный "консенсусный миропорядок" должен быть гораздо более репрезентативным, чем сложившийся по итогам Второй мировой войны, однако, поскольку членство в нем не может быть всеобщим, не получится избежать невключенности в его состав определенного числа акторов. В свою очередь, это может привести к сопротивлению исключенных из участия в ядре нового миропорядка государств, которое способно принимать различные формы. Возможные сценарии варьируются от формирования "оси зла" из образований типа ИГИЛ до коалиций сильных, динамично развивающихся, но не принятых в число законодателей нового миропорядка держав или создания альтернативного "Сообщества мирового Юга" из наиболее активных развивающихся стран [Miles et al. 2016: 80-84].

При строительстве неконфронтационного миропорядка необходимо налаживание интенсивного многостороннего диалога и взаимодействия "западных" и "незападных" международных организаций, возможное создание Координационного совета международных региональных организаций в Евразии.

Повышение политической роли новой группы мировых держав требует целенаправленного выстраивания взаимосвязей России с растущими новыми центрами силы в мировой политике – Индией, Пакистаном, Южной Кореей, Индонезией, Мексикой, Саудовской Аравией, Ираном, другими державами "новой волны" в целях утверждения и поддержания многополярности международной системы.

Реформирование миропорядка предполагает реконструирование международной системы контроля над вооружениями и разоружения, неукоснительное соблюдение существующих договоров и соглашений в этой области и продви-

[9] Принципы и модели создания дополняющей СБ ООН системы неформальных консультаций мировых держав подробно рассмотрены в работе "Новая система отношений великих держав XXI века: 'концерт' или конфронтация?" [Никитин 2016].

жение к новым договоренностям. Актуально продолжение и развитие процесса СНВ в направлении заключения нового соглашения РФ-США, предусматривающего снижение развернутых стратегических ядерных арсеналов до масштабов ниже 1 000 боеголовок у каждой стороны ("от тысяч – к сотням"), что позволит преодолеть психологический барьер и поставить вопрос о вовлечении в переговоры других держав – обладателей ОМУ. При этом назрело вовлечение арсеналов нестратегического ядерного оружия в процессы ограничения и сокращения ОМУ.

Россия может и должна внести вклад в развитие многосторонней системы мер укрепления доверия, транспарентности в военной сфере (на базе расширения и развития уже существующих механизмов ОБСЕ, Венского документа, двухсторонних соглашений о предотвращении военных инцидентов, а также инцидентов на морях и в воздушном пространстве и др.).

В целом необходимо общее развитие структуры международной системы в направлении устойчивой многополярности, переход к пониманию общеполитической стабильности международной системы как многостороннего процесса и баланса, который основывается не на гегемонии и противостоянии, и уж тем более не на "гарантированном взаимном уничтожении", а на системе международного сотрудничества, позитивных стимулах, взаимозависимости и балансе интересов.

Алексеева Т.А. 2018. Конструктивизм в международно-политических исследованиях. – *Современная политическая наука. Методология*. Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.И. Никитина. М.: Аспект-Пресс. С. 498-514.

Арбатов А.Г. 2014. Крушение миропрядка? – *Россия в глобальной политике*. № 4. Доступ: http://www.globalaffairs.ru/number/Krushenie-miroporyadka-16918 (проверено 02.08.2018).

Барановский В.Г. 2018. Структурные изменения глобального миропорядка. – *Современная политическая наука. Методология*. Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.И. Никитина. М.: Аспект-Пресс. С. 113-135.

Богатуров А.Д. 2018. Системное и конгломеративное видение современного мира. – *Современная политическая наука. Методология*. Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.И. Никитина. М.: Аспект-Пресс. С. 594-610.

Дворкин В. 2010. Россия и США: перспективы сокращения ядерных вооружений. *Мировая экономика и международные отношения*. № 4. С. 24-30.

Дынкин А.А. 2018. Геоэкономические факторы мировой политики. – *Современная политическая наука. Методология*. Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.И. Никитина. М.: Аспект-Пресс. С. 105-112.

Лавров С.В. 2007. Настоящее и будущее глобальной политики: взгляд из Москвы – *Россия в глобальной политике*. № 2. Доступ: http://www.globalaffairs.ru/number/n_8385 (проверено 02.09.2018).

Лебедева М.М. 2018. Либерализм в исследованиях мировой политики. – *Современная политическая наука. Методология*. Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.И. Никитина. М.: Аспект-Пресс. С. 498-514.

Никитин А.И. 2016. Новая система отношений великих держав XXI века: "концерт" или конфронтация? – *Полис. Политические исследования*. 2016. № 1. С. 44-59. https://doi.org/10.17976/jpps/2016.01.04

Россия и мир в 2020 году. Контуры тревожного будущего. 2015. Под ред. Безрукова А.О., Сушенцова А.А. М.: ЭКСМО. 382 с. Доступ: https://goo.gl/eUP4cW (проверено 01.10.2018).

Шахназаров Г.Х. 1988. *Грядущий миропорядок*. М.: Международные отношения. 215 с.

Albert M., Cederman L.-E., Wendt A. 2010. *New Systems Theories of World Politics*. N.Y.: Palgrave Macmillan. 368 p.

Jones B., Wright Th., Shapiro J., Keane R. 2014. The State of World Order. – *Brookings Policy Paper*. No. 33. 37 p.

Globalization and World Order. Conference Report. – *Royal Institute of International Affairs*. London. 2014. 20 p.

Miles K., Henning C.R., Brown Ch.P., Hongying W., Voeten E., Williams P.D. 2016. *Global Order and New Regionalism*. New York: Council on Foreign Relations. September. 85 p.

Mazarr M., Priebe M, Radin A., Cevallos A., Ready K., Rothenberg A., Thompson J., Willcox J. 2017. *Measuring the Health of the Liberal International Order*. Santa Monica, Calif.: RAND Corporation. 202 p. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1994.html#download (accessed 11.09.2018).

Nikitina Yu. 2015. Is It All about Values? Diverging Perceptions of Security as Reason for NATO-Russia Crisis. – *UA: Ukraine Analytica*. Vol. 1. No. 1. P.15-23.

What Was the Liberal Order? The World We May Be Losing. 2017. – *Foreign Affairs*. https://www.foreignaffairs.com/system/files/pdf/anthologies/2017/b0033_0.pdf (accessed 11.07.2018).

DOI: 10.17976/jpps/2018.06.03

MODERN WORLD ORDER, ITS CRISIS AND PROSPECTS

A.I. Nikitin[1, 2, 3]

[1]*Moscow State Institute of International Relations (University), MFA of Russia. Moscow, Russia*

[2]*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

[3]*National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia*

NIKITIN Alexander Ivanovich, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, Director, Center for Euro-Atlantic Security, Moscow State Institute of International Relations, MFA of Russia; Principal Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences; Professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow. Email: an@inno.mgimo.ru

Nikitin A.I. Modern World Order, Its Crisis and Prospects. – Polis. Political Studies. 2018. No. 6. P. 32-46. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2018.06.03

Received: 03.08.2018. Accepted: 05.09.2018

Abstract. Current world order is in crisis and in process of reshaping. However, mainstream of Western analysts and political-academic community of Russia interpret differently and often alternatively the definition and parameters of the world order, as well as manifestations of its crisis. The author investigates the conceptual framework of describing evolution of international system in terms of changing periods of relative stabilization (order with widely recognized rules) and periods of disorder (transits). The article compares modern Russian and international concepts of world order, periodic sequencing of stable and destabilized stages of international system, analyzes varying definitions and historical periodization of world order. The areas and manifestations of the crisis of the previous model of world order are revealed, as well as directions of undermining strategic stability and erosion of the system of arms control and disarmament. The author poses the question whether the level of general "systematization" of international relations is high enough to perceive the international relations as unified "system with rules", or whether the world remains a set of weakly related regional agglomerations. The article probes alternative hypotheses, whether post-bipolar period since the end of the Cold war is the new format of world order based upon principles of international behavior coordinated between Russia and the West. The author also considers whether the sharpening of international tensions after 2014 manifested the crisis of that format of world order, or international processes of last three decades after the end of the Cold war represent just fluctuations within trajectory of evolution of world order established after the end of the WW2 since mid-20th century until modern times. The author sketches directions of reformation of the world order from the angle of Russian national interests and in view of tendencies of current and prospective evolution of the international system.

Keywords: world order; world politics; global powers; international system; UN; international crises; balance of power; multi-polarity.

References

Albert M., Cederman L.-E., Wendt A. *New Systems Theories of World Politics*. N.Y.: Palgrave Macmillan. 2010. 368 p.

Alekseeva T.A. Konstruktivism v mezhdunarodno-politicheskyh issledovaniyah [Constructivism in International-Political Studies]. – *Sovremennaya politicheskaya nauka. Metodologiya* [Modern Political Science. Methodology. Ed. by O.V. Gaman-Golutvina, A.I. Nikitin]. Moscow: Aspect Press. 2018. P. 498-514. (In Russ.)

Arbatov A.G. Collapse of World Order? – *Russia in Global Affairs*. 2014. No. 4. (In Russ.) URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Krushenie-miroporyadka-16918 (accessed 02.09.2018).

Baranovskyi V.G. Strukturnye izmeneniya global'nogo miroporyadka [Structural Changes in Global World Order]. – *Sovremennaya politicheskaya nauka. Metodologiya* [Modern Political Science. Methodology. Ed. by O.V. Gaman-Golutvina, A.I. Nikitin]. Moscow: Aspect Press. 2018. P. 113-135. (In Russ.)

Bogaturov A.D. Systemnoye i konglomerativnoye videnie sovremennogo mira [Systemic and Conglomerative Vision of the Modern World]. – *Sovremennaya politicheskaya nauka. Metodologiya* [Modern Political Science. Methodology. Ed. by O.V. Gaman-Golutvina, A.I. Nikitin]. Moscow: Aspect Press. 2018. P. 594-610. (In Russ.)

Dvorkin V. Russia and the USA: Prospects for Cuts of Nuclear Weapons. – *World Economy and International Relations*. 2010. No. 4. P. 24-30. (In Russ.)

Dynkin A.A. Geoeconomicheskye faktory mirovoy politiki [Geoeconomic Factors of World Politics]. – *Sovremennaya politicheskaya nauka. Metodologiya* [Modern Political Science. Methodology. Ed. by O.V. Gaman-Golutvina, A.I. Nikitin]. Moscow: Aspect Press. 2018. P. 105-112. (In Russ.)

Globalization and World Order. Conference Report. – *Royal Institute of International Affairs*. London. 2014. 20 p.

Jones B., Wright Th., Shapiro J., Keane R. The State of World Order. – *Brookings Policy Paper* Number 33. February 2014. 37 p.

Lavrov S.V. Current and Future State of World Politics: a View from Moscow. – *Russia in Global Affairs*. April 2007. (In Russ.) URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_8385 (accessed 11.07.2018).

Lebedeva M.M. Liberalism v issledovaniyah mirovoy politiki [Liberalism in Studies of World Politics]. – *Sovremennaya politicheskaya nauka. Metodologiya* [Modern Political Science. Methodology. Ed. by O.V. Gaman-Golutvina, A.I. Nikitin]. Moscow: Aspect Press. 2018. P. 498-514. (In Russ.)

Mazarr M., Priebe M, Radin A., Cevallos A., Ready K., Rothenberg A., Thompson J., Willcox J. *Measuring the Health of the Liberal International Order*. Santa Monica, Calif.: RAND Corporation. 2017. 202 p. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1994.html#download (accessed 11.09.2018).

Miles K., Henning C.R., Brown Ch.P., Hongying W., Voeten E., Williams P.D. *Global Order and New Regionalism*. New York: Council on Foreign Relations. September 2016. 85 p.

Nikitin A.I. New System of Relations between Great Powers for the XXI Century: "Concert" or Confrontation? – *Polis. Political Studies*. 2016. No. 1. P. 44-59. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2016.01.04

Nikitina Yu. Is It All about Values? Diverging Perceptions of Security as Reason for NATO-Russia Crisis. – *UA: Ukraine Analytica*. 2015. Vol. 1. No. 1. P. 15-23.

Rossiya i mir v 2020 godu. Kontury trevozhnogo budushchego [Russia and the World in 2020. Contours of alarming future]. Ed. by Bezrukov O., Sushentsov A. Moscow: EKSMO. 2015. 382 p. URL: https://goo.gl/eUP4cW (accessed 01.10.2018).

Shakhnazarov G.H. *Grydushchyi miroporyadok* [Forthcoming World Order]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 1988. 215 p. (In Russ.)

What Was the Liberal Order? The World We May Be Losing. – *Foreign Affairs*. 2017. https://www.foreignaffairs.com/system/files/pdf/anthologies/2017/b0033_0.pdf (accessed 11.07.2018).